

УДК 39: 550.384.32

DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-1-163-173

Модели мироздания в обско-угорской картине мира: к вопросу об исходной структурности пространства

В. И. Сподина

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
vspodina@mail.ru*

С. А. Попова

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
rusina-popova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Многие вопросы традиционного мировоззрения обско-угорских народов достаточно хорошо изучены, в то время как другие, например, исторические типы мировоззрения, представления о различных божествах и духах, их функциях и иерархии, о локальных особенностях распространения культа предков у хантов и манси, своеобразии медвежьего праздника требуют новых материалов, дополнительного осмысления, а также новых гипотез. К таким обсуждаемым темам относится и вопрос об исходной модели мироздания. В статье приводятся дополнительные аргументы в пользу изначальности горизонтальной модели мира, материалы о локальных доминантах вектора пространственных построений различных этнографических групп хантов и манси.

Цель: проанализировать существующие точки зрения на структурные модели мироздания и их происхождение, раскрыть факторы, оказавшие влияние на структурность картины мира.

Материалы исследования: опубликованные этнографические материалы, данные лингвистических исследований, устные сообщения информантов.

Результаты и научная новизна. Проанализированы три научных подхода в определении исходности вектора структурных пространственных построений обских угров (горизонтальная, вертикальная и смешанная модели мироздания). Впервые локальные исследовательские выводы были объединены в максимально единую систему, раскрывающую представление об изначальных моделях пространственных построений в целостности.

Привлечение археологических материалов позволило определить время сложения указанных моделей: горизонтальной – период верхнего палеолита, вертикальной и смешанной – время перехода от неолита к бронзовому веку. Впервые предлагается идея о привлечении данных лингвистики, в частности грамматической категории времени, для аргументации вектора пространственных построений.

Авторы приходят к заключению о том, что различные структурные модели мироздания обских угров сложились в разные исторические эпохи, на их становление оказали влияние две мировоззренческие системы: южная, характерная для тюркоязычных народов Южной Сибири, связанная с культурой скотоводов-кочевников и северная, автохтонная. Характер межкультурных контактов и собственная этническая история проявились в том, что для северных групп обских угров более характерна горизонтальная модель мироздания, а для восточной – вертикальная. На становление вертикальной модели оказало влияние шаманство, а впоследствии христианизация и усложнение социальной стратификации общества.

Ключевые слова: традиционное мировоззрение, обские угры, ханты, манси, пространственные модели мироздания, речная ориентация

Для цитирования: Сподина В. И., Попова С. А. Модели мироздания в обско-угорской картине мира: к вопросу об исходной структурности пространства // Вестник урведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 163–173.

Models of the universe in the Ob-Ugric picture of the world: to the question of the initial structurality of space

V. I. Spodina

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
vspodina@mail.ru*

S. A. Popova

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
rusina-popova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: many issues of the traditional worldview of the Ob-Ugric peoples are well studied, while others, for example, historical types of worldview, ideas about various deities and spirits, their functions and hierarchy, local features of the spread of ancestor worship among the Khanty and Mansi peoples, the peculiarity of the Bear Holiday require new materials, additional understanding, as well as new hypotheses. The question of the initial model of the universe also belongs to such discussed topics. The article provides additional arguments in favor of the primordial nature of the horizontal model of the world, materials on the local dominants of the vector of spatial constructions of various ethnographic groups of the Khanty and Mansi peoples.

Objective: to analyze the existing points of view on the structural models of the universe and their origin; to reveal the factors that influenced the structurality of the picture of the world.

Research materials: published ethnographic materials, linguistic research data, and oral reports of informants.

Results and novelty of the research: three scientific approaches to determination of the origin of the vector of structural spatial constructions of the Ob Ugrians (horizontal, vertical and mixed model of the universe) are analyzed. For the first time, local research findings were combined into the most unified system revealing the idea of the original models of spatial constructions in integrity.

The involvement of archaeological materials made it possible to determine the time of addition of these models: horizontal – the Upper Paleolithic period, vertical and mixed – the time of transition from the Neolithic to the Bronze Age. For the first time, the idea of involving linguistics data, in particular the grammatical category of time, for the argumentation of the vector of spatial constructions is proposed.

The authors come to the conclusion that various structural models of the universe of the Ob Ugrians were formed in different historical epochs; their formation was influenced by two worldview systems: the Southern, characteristic for the Turkic-speaking peoples of Southern Siberia and associated with the culture of nomadic pastoralists, and the Northern autochthonous system. The nature of cross-cultural contacts and their own ethnic history manifested itself in the fact that the horizontal model of the universe is more typical for the Northern groups of the Ob Ugrians, while the vertical model is more typical for the Eastern ones. The formation of the vertical model was influenced by shamanism and subsequently by Christianization and the complication of the social stratification of society.

Key words: traditional worldview, Ob Ugrians, Khanty people, Mansi people, spatial models of the universe, river orientation

For citation: Spodina V. I., Popova S. A. Models of the universe in the Ob-Ugric picture of the world: to the question of the initial structurality of space // *Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies*. 2022; 12 (1): 163–173.

Введение

Большинство имеющихся материалов (археологических, этнографических, фольклорных) иллюстрируют развитую пространственную модель, состоящую из вертикальной и горизонтальной проекций. Вертикальная модель обских угров представлялась в виде многоэтажной вселенной, подразделённой на Верхний (небесный), Средний (земной) и Нижний (подземный) миры, каждый из которых населён богами и духами, имеющими определённые функции. Причём, по верному замечанию К. Ф. Карьялайнена, «у современных остяков мир духов очень богат, настолько богат, что, наверное, никогда никому не удастся выявить число и имена всех этих духов» [12, 6]. Вертикальному членению подчинена и цветовая семантика, при которой верх номинирован белым (золотым) цветом, а низ – чёрным. Дихотомия белое / чёрное проецируется на ценностное восприятие мира как хорошее / плохое, доброе / злое соответственно.

Другая, горизонтальная, модель основана на линейной проекции, при которой «верх» и «низ» обские угры связывают с семантикой речной системы. Так, север в хантыйском языке обозначается как *ил* ‘низ’, *ильт пелек* ‘нижняя сторона’, *этих пелек* ‘холодная земля’, а юг – *Нум пелек* ‘Верха сторона’, *мелек пелек* ‘обратная сторона’ (т.е. верх), *том мых* ‘тёплая земля’ [16, 171]. У манси начало реки, исток – *я талих* ‘верховье реки’, также ассоциируется с верхом (*алы*), где, по их представлениям обитают души предков. Следуя речной модели, святилища располагались вверх (по течению реки), середина реки представлялась миром живых людей, а конец реки, устье (*я сунт*) обозначалось как низ (*ёлы*) потусторонний нижний мир. Стратификация низа как севера в плоскостной пространственной модели находит отражение в представлениях манси о том, что вход в трёхэтажное царство Нижнего мира располагался где-то за устьем р. Обь, в холодных водах Ледовитого океана, около места под названием *Хоманёл* ‘Отвесный

(крутой) мыс' (где-то на берегу Обской губы). Речная ориентация является определяющей в хантыйских, мансийских и ненецких захоронениях. В соответствии с этими верованиями умершие попадали в Нижний мир на лодках. С понятиями верха и низа относительно реки тесно связана терминология названия частей мансийского дома.

Представления о двух моделях мироздания, их взаимообусловленности и локальных доминантах на уровне этнографических групп являлись предметом обсуждения относительно исходности той или иной пространственной модели или вообще возможности решения данного вопроса. Горизонтальную и вертикальную структуры, как целостное, организованное единство, предложила рассматривать О. М. Фрейденберг, выразив свою точку зрения следующим образом: «В самые первые эпохи истории мы застаём человека с системным мировоззрением» [37, 29]. Теорию о системности мифологических взглядов поддержал Д. С. Равевский, утверждая, что «подобная системность присуща любой мифологии вне зависимости от уровня развития данного общества, от наличия в нём выделившейся жреческой прослойки, от степени распространения в нём тенденции сознательной кодификации религиозно-мифологических текстов. Это её внутренняя характеристика» [25, 276]. Осознание мифологии как системы даёт возможность на основании сопоставления разнохарактерных источников реконструировать мифологическую модель мира, включающую Верхний, Средний и Нижний миры. Сакральная троичность окружающего мира, по предположению М. Ф. Косарева, вероятно «идёт из глубин бессознательного и является сущностью Мира на всех его уровнях» [15, 134]. Однако любая воссозданная картина мира древних народов не может считаться окончательной. Всегда есть вопросы, которые открывают место для дискуссии.

В своей статье мы поставили задачу проанализировать имеющиеся в отечественной этнографии точки зрения на системы пространственных построений обских угров, обосновать свою позицию относительно изначальной структурности мироздания, свойственной древним народам, обозначить влияние элементов *другого* на моделирование пространства и его отражении в традиционном мировоззрении.

Материалы и методы

Материалами статьи послужили опубликованные исследования по этнографии хантов и манси

отечественных и зарубежных учёных XX ст., данные археологии, отражённые в публикациях М. Ф. Косарева, Л. Р. Кызласова, В. Д. Викторовой, В. Н. Широкова и др., лингвистический материал по обско-угорским, отчасти самодийцам и тюркским народам, а также устные сообщения информантов.

Авторы статьи опирались на теорию сигнализации, разработанную Ю. В. Кнорозовым, основанную на теоретических и методологических разработках в области этнической семиотики, учитывали системный подход при интеграции археологического и этнографического знания, а также историко-сравнительный метод исследований, который позволил выявить общие черты в культуре стадиально близких обским уграм народов.

Результаты

К вопросу об исходности вектора пространственных построений. Вертикальная и горизонтальная модели мира. Известный исследователь шаманства народов Сибири В. Н. Басилов заметил, что разобраться в определении места вертикальной и горизонтальной моделей мироздания на ленте времени, «не так легко» [3, 72]. А. Ф. Анисимов, например, предположил считать первичными линейные пространственные представления о Вселенной, которые исторически предшествовали её трёхчленному вертикальному делению на Верхний, Средний и Нижний миры [1, 84]. В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина пришли к выводу о том, что модель этажного мироздания у аборигенных народов Сибири не является первичной и единственной, особенно в свете развитой иерархической системы в обско-угорской мифологии: «у *Торума* имеются помощники, сам он по небу скачет верхом на коне, у *Кынь-лунга* тоже есть слуги и посланники за душами. И противоборство *Торума* и *Кынь-лунга* тоже мало похоже на первоначальные представления о мироздании» [16, 171; 17, 109]. В. В. Напольских в горизонтальной модели видел черты мировоззрения прафинно-угорских народов [23, 74]. Т. Н. Дмитриева, исследуя топонимию бассейна реки Казым, приходит к заключению, что вертикальная модель мира не являлась изначальной. «Более древними были представления о горизонтальном членении Вселенной, основанные на соотносимых с югом и севером понятиях верха и низа: верх связывался с верховьями рек и, как правило, с югом, а низ – с севером» [11, 349].

Лингвистические материалы и наши полевые материалы по обским уграм также свидетельствуют в пользу доминирования в традиционном мировоззрении горизонтальной («речной») модели. Так, северная сторона обозначается как *ил пелек* («нижняя сторона»), в значении «куда текут реки», *увас* (досл.: «по течению»). Направление юг передаётся словосочетанием *нум лув* («верхняя земля»), т.е. сторона света, лежащая выше по течению реки Обь. Выражение аганских хантов *ник нам* «выйти на улицу» дословно переводится как «выйти к реке». В мансийском языке понятие *nā-gle, nāg, nūin* имеет два значения: «вверх [с реки] на берег, в глубь леса от берега» и «вперёд от входа, в глубь дома» [ПМА – 1: Сетова]. Стена, традиционного хантыйского дома, на которой располагалась дверь, называлась «сторона к реке», в отличие от противоположной – «сторона от реки» [19, 146]. Для сравнения укажем, что ненцы укладываются ногами по направлению к реке, считая её своеобразным центром линейной проекции по аналогии с местоположением на нарах – ногами к двери. Указывая на эти ориентационные особенности, Ю. К. Айваседа подчёркивал, что «река сильнее Солнца» [ПМА – 2: Айваседа]. Речная система проявляется и в названии одного из элементов обуви. Например, горловина ненецких *тимов* имеет название *пемаң ня’ав* («пема устье»).

Возможно предположить, что в культурах, где доминирующее значение в хозяйственном и религиозном отношении играла река, она воспринималась в качестве устойчивой космической модели, «вокруг которой концентрируется хозяйственная и религиозная жизнь» [22, 217].

В пользу древности сложения горизонтальной модели мира свидетельствуют материалы археологических исследований. Так, например, Б. А. Рыбаков линейную модель в представлении о загробном мире как не выходящей за рамки плоскостной проекции связывал с эпохой верхнего палеолита [27] (примерно 40 (35) – 12 (10) тыс. лет назад), а Ю. А. Смирнов указывал, что линейно ориентированные погребения появляются ещё в мустьерском периоде [29] – ранний каменный век (80 – 32 тыс. л. до н. э.). Самые ранние данные о вертикальном осмыслении вселенной (астральная орнаментация на ритуальной посуде, изображение дерева с солярным знаком на вершине) зафиксированы на территории Западной Сибири лишь с переходного времени от неолита (6-е – 4-е тыс. до н. э.) к бронзовому веку (сер. 2-го – конец 2-го тыс. до н. э.).

С некоторой оговоркой высказались на эту тему Н. А. Алексеева, Е. А. Алексеенко и Е. Д. Прокофьева. По их мнению, «плоскостное» построение пространства у народов Сибири, вероятно, предшествовало «вертикальному» [3, 72]. М. Г. Василевич более древней считала вертикальную модель и связывала её с развитием дошаманской космогонии, а шаманский этап в структурировании мироздания являл собою линейную проекцию пространства, главной частью которой была река [4, 56]. На явно аборигенное, палеосибирское происхождение вертикальной модели строения мира указывала З. П. Соколова [34, 517].

Разделяя позицию большинства исследователей об исходности горизонтальной модели мира, представляется необходимым дополнить эти суждения ещё и другими аргументами, не упоминавшимися в связи с обсуждаемой темой. Во-первых, возникновение структурности мира следует рассматривать с позиций антропоцентризма, проявление которого связано с формированием абстрактного мышления и способности упорядочению множества, что было обусловлено возникновением у человека звуковой речи (более 100 тыс. лет назад, в четвёртую ледниковую эпоху) [20, 335]. Возможно предположить, что первичные наблюдения за природными явлениями отражали биологическую зависимость человека и ориентацию на суточный цикл Солнца с фиксацией точек восхода, зенита и захода относительно актуального плоскостного пространства. В процессе исторического развития, в ориентировке погребений эпохи неолита – раннего бронзового века всё нагляднее проявляется идея помещения тела в Нижний мир, к предкам. Вероятно, с этим периодом можно соотнести возникновение распространённой у многих народов мифологемы пещеры-прародины [41], где обитают умершие предки и откуда их души выходят для реинкарнации.

Во-вторых, с точки зрения лингвистического антропоцентризма, для обских угров реально существует только то, что синхронно *Ego* и только данный событийный отрезок обладает линейностью, тогда как все остальные явления за пределами «стрелы времени», являются частью временной цикличности, где прошлое совпадает с будущим (изначальные времена). Эта отличительная черта темпоральных представлений проявляется в грамматической категории времени хантыйского языка, который даёт примеры только

прошедшего и не прошедшего (настояще-будущего) времени [10, 173], а будущее время определяется из контекста сказанного, с добавлением к глаголу наречия «завтра» (*халэвэт*, шур. хант.) и суффиксов времени: *-с* (прошедшее время), *-л* (настоящее и настояще-будущее). В пользу изначальности горизонтальной проекции пространственных построений может служить глагол *мáнты*, с помощью которого в хантыйском языке передаётся горизонтальное направление движения, а вертикальный вектор (снизу-вверх) обозначается глагольным превербом *нух*: *нух мáнты* ‘уходить вверх, подняться вверх, залезть’ *Реп ух пáнтыа нух мáнсэт* ‘Они поднялись на вершину горы’; *Ацэн хот ланэла нух мáнэс* ‘Отец залез на крышу’; *Щалта нух Төрэма мáнэс* ‘Затем он поднялся вверх на небо’ [35, 350]. Данные примеры иллюстрируют изначальность появления в языке глагола горизонтального движения и подчинённый характер глаголов вертикального движения.

Представления о вертикальной и горизонтальной моделях не единственные. З. П. Соколова отметила одну особенность, присущую хантам и манси – «наличие и горизонтальной, и вертикальной систем мироздания» [34, 517], то есть их сочетание как мировоззренческую константу. Такая система называется смешанной или гибридной.

Теория гибридной модели мироздания. Данные по древней погребальной обрядности, а также многочисленные этнографические свидетельства говорят о том, что элементы горизонтального и вертикального осмысления вселенной зародились в общем одновременно. Основу сложения такого комплекса М. Ф. Косарев датировал рубежом каменного века и эпохи металла, когда погребальный комплекс «начинает являть собою не что иное, как модель мира в его вертикальной и горизонтальной проекциях» [13, 182; 14, 176]. Е. М. Мелетинский высказал мысль о том, что «горизонтальная ориентация по сторонам света определённым образом увязывается с вертикальной моделью так, что север (иногда и восток) оказывается тождественным *низу*, а юг – *верху*» [22, 216]. Например, в представлениях манси «большая вода» имеет одновременно и горизонтальную, и вертикальную проекцию. По сообщению информанта, в период разлива или в местах, где реки расходятся, «когда едешь, особенно, в маленькой лодке, хорошо видно, что центр реки находится намного выше, чем берега. Их называют *сякв вáт* ‘священной [воды] берег’,

и туда также уходят души умерших *хоталь сякв вáта сялтыс* ‘куда-то в священную [букв. молочную] воду вошёл’, умер» [ПМА – 3: Таратов].

Наиболее ярко представление о мире как единстве его горизонтальной и вертикальной проекций выражено в шаманской реке, истоки которой, по поверьям, находятся в Верхнем Мире, низовья – в Нижнем или с Мировым Древом. В языке лесных ненцев, живущих совместно с аганской этнотерриториальной группой хантов, прослеживаются следы бывшего отождествления дерева с рекой, как симбиоз вертикально-горизонтального строения мира. Основанием для таких выводов информанту послужило ассоциативное сходство названий частей дерева и элементов речной системы. Так, отросток, ветвь дерева, как и притоки реки, обозначаются словом *талка* (ср. *пяң талка* ‘ветвь дерева’, приток реки – *тяхаң талка* ‘реки ветка’) [2, 122; ПМА – 4: Айваседа]. Заметим, что и в тюркских языках разветвление верховий рек, дорог («ветвь дороги») обозначается термином *ботог* / *ботак* / *бутакъ* ‘ветвь’ как ‘сук’ [26, 78, 778, 830; 36].

В фольклорно-мифологической картине мира «дерево» и «река» закономерно дополняют друг друга: первый символ в большей степени соотносится с вертикальной структурой мира, а второй – с горизонтальной. Вместе с тем, нам бы хотелось обратить внимание на другой аспект смешанной модели мироздания как проявление двух разных мировоззренческих систем. На эту мысль нас натолкнуло замечание З. П. Соколовой о том, что «у северных групп обских угров ярче, чем у восточных, проявляются южные, угорские черты, у восточных хантов – аборигенные или северно-сибирские» [30, 34], и особенно исследование доминантных проявлений пространственных построений Е. П. Мартыновой. На основании анализа этнодифференцирующих характеристик традиционной материальной и духовной культуры обских угров исследователь приходит к выводу, что для северной группы хантов более характерна горизонтальная модель мироздания, а у южной и восточной групп более выражено вертикальное устройство Вселенной [21, 171–173].

Представленная точка зрения обосновывает обращение к теме структурности мироздания как проявлению влияния *другого* в результате миграционных процессов.

Ирано-алтайское влияние. На наличие в культуре обских угров южных черт одним из первых

обратил внимание Х. Паасонен. Название точно-хантыйской циновки, изготовленной на станке (*йеки, йекен*), он считал тюркским заимствованием [43, 117]. В. Н. Чернецов общие обозначения для одежды у разных групп хантов (*уш, вуш*), считал иранской чертой, а наличие широкого матерчатого пояса связывал с проникновением степных элементов в культуру обских угров [38, 115; 44, 285–319]. Гипотезу саяно-алтайского происхождения финно-угорских народов, в 1949 году изложил Э. Мольнар [42, 14–50], позднее на материалах угров (хантов) дополнил Л. Р. Кызласов [18, 166–177].

Общие черты в культуре обских угров и народов Сибири исследовала З. П. Соколова, посвятив ряд своих работ роли южного кочевого элемента в формировании культуры хантов и манси [30, 32; 31, 30–45; 32, 49–69; 33, 41–62]. Н. В. Лукина в материальной культуре восточных хантов выявила черты, общие с народами Южной Сибири (Саяно-Алтайского нагорья): средства передвижения, охоты и рыболовства, элементы одежды, в частности набор поясов: матерчатый, тканевый, кожаный и простая верёвка, одежда из сборного меха, прошивание кожи и шкур сухожильными нитями. В культуре западных хантов, по мнению исследователя, «более заметны связи, ведущие в направлении Средней Азии» [19, 198, 282, 283].

Особенность традиционного мировоззрения обских угров как результат сложного переплетения двух миров: южного, связанного с культурой скотоводов-кочевников (тюркоязычных народов Южной Сибири) и северного, автохтонного (уральского) отмечали многие исследователи. Так, П. Вереш, анализируя образ мифического героя – крылатого всадника *Мир-суснэ-хум’а* («За миром смотрящий человек»), подчёркивает, что «здесь налицо этнокультурное влияние южных угорских пришельцев более позднего времени (приблизительно рубежа бронзового и железного веков)» [5, 73]. На сходство мифологического образа богини-матери в саяно-алтайской традиции (Умай) и угорской (Калташ) обратил внимание А. М. Сагалаев. Обе богини являются покровительницами деторождения, связаны с огнём, как универсальным символом очищения, смерти-рождения, окружены солярной символикой, ассоциируются с сакральным верхом, в обеих традициях богиня-мать ассоциируется с комплексом представлений «птица – дерево» (как правило берёза) и др. [28, 33].

Южное влияние на урало-сибирские народы заметно по числу иранизмов в обско-угорских языках, о чём в разное время писали Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский, Б. Мункачи, В. Н. Чернецов и др. По предположению лингвистов, рассматриваемые контакты имели место с общерийской эпохи, а затем, после разделения ариев на индийскую и иранскую ветви, стали происходить в основном на уровне связей между финно-угорской и ираноязычной общностями [14, 179]. Так, наименование обских угров, данное им зырянами как *ёгра* (югра древнерусских источников), В. П. Яйленко связывает с «*jūgra, jūra* арабских и персидских писателей» [39, 55]. На иранский след в отдельных элементах игровой культуры обских угров указала в своих исследованиях Т. В. Волдина [6, 149–157], а в характеристике образа *Мир-суснэ-хум’а* – Г. С. Вртанесян [7, 536–545]. Сопоставительное исследование финно-угорского и тюркского ритуала инициации невесты провели А. Б. Наурзбаева, Ж. Н. Шайгозова и С. П. Кульсариева, доказав сходство представленного ритуала у обских угров и казахов [24, 388–397]. Приведённые материалы вполне убедительно обосновывают существовавшие в древности на территории Сибири непрерывных контактов между уральцами и алтайцами.

Влияние христианизации. Другой причиной, по которой вертикальная модель начала активно распространяться в традиционной культуре обских угров, постоянно усложняясь символами, является усложнение религиозно-мировоззренческого комплекса, связанного с распространением христианства среди обских угров (началось в XVIII в.) и среди ненцев (в XIX в.). Николая Чудотворца вогулы отождествляли со старшим сыном *Нуми-Тõрум’а* – *Полум-õйкой*, ведавшим рыбой, птицей и зверем. Иисус Христос ассоциировался у них с младшим сыном *Нуми-Тõрум’а* – *Мир-суснэ-хум’ом*, светлым солнечным божеством, посредником между Средним и Верхним мирами. Добрая божественная *Калташ* (*Калтась*) – жена *Нуми-Тõрум’а* и мать *Мир-суснэ-хум’а*, от которой зависело возрождение жизни на земле, получила в процессе христианизации заместительное имя *Сянь-Тõрум*, т. е. Богоматерь, Богородица.

Религиозные традиции хантов, связанные с историей христианизации и миссионерства нашли отражение в исследованиях Е. М. Главацкой [8, 92–112; 40, 373–386]. Действительно,

с началом разложения родового строя этажность осмысления мира должна была становиться всё более приоритетной, т. к. она в большей мере отражала усложняющуюся стратификацию общества. Поэтому вполне обосновано, что духовный мир обских угров стал основываться на иерархической взаимосвязи составляющих элементов, основными группами которых можно считать миры богов и духов, образующие единую систему – пантеон, который выстроен по вертикали так, что на его вершине стоит единое Верховное Божество, которому подчиняются боги разных уровней и существа-духи. При этом единое Мироздание пронизано светом, как тонкой божественной-христианской субстанцией.

Обсуждение и заключение

Анализ трёх пространственных моделей (вертикальной, горизонтальной и смешанной) показал, что их сочетание и многокомпонентность – естественное состояние культурной традиции обско-угорских народов, благодаря которой представляется возможным разностороннее описание мира с учётом его качественных характеристик, бинарных противопоставлений, противоречивости мировоззренческих представлений.

В споре о первенстве вертикальной или горизонтальной моделей мироздания, следует учитывать, что указанные представления о структуре мира сложились в разных локальных группах

в разные эпохи и отражали начавшийся уже в древности процесс развития религиозных идей. Сложившаяся этажность мироздания является зеркальным отражением социального устройства общества: чем сложнее общественная структура того или иного народа, тем больше этажей-ярусов видится в небесной и подземной сферах.

Исконно сибирскими, автохтонными, были представления о горизонтальной проекции Вселенной («мировая река» как палеоазиатское наследие), а воззрения об этажном характере мироздания можно рассматривать как результат влияния южных, индоиранских культур, шаманства, а впоследствии и христианизации. А. В. Головнёв определил главную функцию шамана как «архитектора» мировоззрения – «культуротворчество». Шаманом «первоначально создавались картины мира, а затем уже они объективировались в обыденном сознании как “традиционное мировоззрение”» [9, 220]. Иными словами, представления о структуре мироздания формировались под воздействием двух факторов: особых условий расселения и этнической истории обских угров.

Опираясь на методические приёмы выделения архетипичного, универсального в феноменах культуры, мы предполагаем, что полученные новые идеи могут приблизить нас к пониманию мировоззренческих комплексов охотников и рыболовов, обитавших на территории Западной Сибири.

Список источников и литературы

1. Анисимов А. Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 106 с.
2. Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб.: Просвещение, 2002. 288 с.
3. Басилов В. Н. Избранники духов. М.: Политиздат, 1984. 208 с.
4. Василевич М. Г. Дошаманские и шаманские верования эвенков // Советская этнография. 1971. № 5. С. 53–60.
5. Вереш П. Этнологический миф обских угров о происхождении фратриальной организации и их модель // Мироззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 72–78.
6. Волдина Т. В. «Мыслительные» игры *numäs junt / nomt joñil* как одно из направлений игровой культуры обских угров // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 149–157.
7. Вртанесян Г. С. Жёлтой трясогузки богатырь: корни образа // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. №.3. С. 536–545.
8. Главацкая Е. М. Христианизация населения Северо-Западной Сибири в XIX в.: идея, практика, итоги // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры (600-летию памяти святителя Стефана Великопермского). Пермь: Изд. Центр Пермского гос. нац-го исслед. ун-та, 1997. Т. 1. С. 92–112.
9. Головнёв А. В. «Своё» и «чужое» в представлениях хантов // Обские угры (ханты и манси). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991. С. 187–224.
10. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарёва, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
11. Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 580 с.
12. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Репринт. изд. 1922. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 2. 284 с.
13. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
14. Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

15. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога – 100, 2003. 352 с.
16. Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
17. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992. 136 с.
18. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: МГУ, 1960. 198 с.
19. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 362 с.
20. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2020. 583 с.
21. Мартынова Е. П. Две модели мироздания у хантов // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Четвертых Сибирских чтений (12–14 окт. 1998). СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 170–175.
22. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 403 с.
23. Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Ин-т этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 189 с.
24. Наурзбаева А. Б., Шайгозова Ж. Н., Кульсариева С. П. Финно-угорский и тюркский ритуал инициации невесты: общее и специфическое в традиционных сакральных знаниях (на примере обских угров и казахов) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 388–397.
25. Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.
26. Русско-кумыкский словарь / под ред. З. З. Бамматова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. 1148 с.
27. Рыбаков Б. А. Языческое миропонимание // Наука и религия. 1975. № 2. С. 52–58.
28. Сагалаев А. М. Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. С. 21–34.
29. Смирнов Ю. А. Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.: Наука, 1991. 341 с.
30. Соколова З. П. Обско-угорский феномен (Север и Юг) // III Конгресс этнографов и антропологов России. 8-11 июня 1999 г. Тезисы докладов. М.: ИАЭ РАН, 1999. С. 29–36.
31. Соколова З. П. Использование металла в культовой практике хантов и манси // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 30–45.
32. Соколова З. П. Платок в культуре хантов и манси // Этнография народов Западной Сибири. Сибирский этнографический сборник. М.: Старый Сад, 2000. Вып. 10. С. 49–69.
33. Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.
34. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. М.: Наука, 2009. 756 с.
35. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.
36. Татарско-русский и русско-татарский словарь. URL: tatpoisk.net (дата обращения: 18.02.2022).
37. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998. 800 с.
38. Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды Института этнографии, научная серия. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 113–134.
39. Яйленко В. П. Древнейшая этническая история угров по данным ономастики и письменным источниками I тыс. до н. э. Тюмень: ТюмГУ; Нижневартовск: Нижневартовский гос. ун-т, 2017. 76 с.
40. Glavatskaya E. Christianization=Russification? To the problems of the ethnic & religious identity of the Ob-Ugrians // Shamanism and Northern Ecology. Berlin; New York: Mouton de Gruyter 1995. Pp. 373–386.
41. Laming-Amperaire A. La signification de l'art rupestre paleolithique. Paris: Picard, 1962. 424 p.
42. Molnár Erik. A magyar társadalom története az őskortól az Árpádkorig. Budapest: Szikra Kiadó, 1949. 343 p.
43. Paasonen H. Ueber die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen // Finnisch-Ugrische Forschungen, 1902. Bd. 11. Pp. 8–137.
44. Tschernezov V. N. Bärenfest bei den Ob-ugriern // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1947. T. 23 (2–4). Pp. 285–319.

Полевые материалы авторов

- ПМА 1 – Экспедиция в с. Саранпауль, Берёзовский район, 2000 г. (информант Е. К. Сетова, 1933 г. р.)
ПМА 2 – Экспедиция на стойбище на р. Туй-тяха, Нижневартовский район, 2008 г. (информант Ю. К. Айваседа, 1948 г. р.)
ПМА 3 – Экспедиция в д. Ломбовож, Берёзовский район, 1998 г. (информант Н. Е. Таратов, 1959 г. р.)
ПМА 4 – Экспедиция в п. Варьёган, Нижневартовский район, 2017 г. (информант П. Я. Айваседа, 1941 г. р.)

References

1. Anisimov A. F. *Kosmogonicheskie predstavleniya narodov Severa* [Cosmogonic representations of the peoples of the North]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1959. 106 p. (In Russian)
2. Barmich M. Ya., Vello I. A. *Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij (lesnoj dialekt)* [Nenets-Russian and Russian-Nenets Dictionary (Forest dialect)]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie Publ., 2002. 288 p. (In Nenets, Russian)
3. Basilov V. N. *Izbranniki duhov* [Chosen by spirits]. Moscow: Politizdat Publ., 1984. 208 p. (In Russian)
4. Vasilevich M. G. *Doshamanskije i shamanskije verovaniya evenkov* [Pre-shamanic and shamanic beliefs of the Evenks]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1971, no. 5, pp. 53–60. (In Russian)
5. Veresh P. *Etiologicheskij mif obskih ugrov o proiskhozhdenii fraternal'noj organizacii i ih model'* [The etiological myth of the Ob Ugrians about the origin of the phraternal organization and their model]. *Mirovozzrenie finno-ugorskih narodov* [Worldview of the Finno-Ugric Peoples]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. pp. 72–78. (In Russian)
6. Voldina T. V. *«Myslitel'nye» igry numäs junt / nomt jonil kak odno iz napravlenij igrovoj kul'tury obskih ugrov* [“Thinking” games numäs junt / nomt jonil as one of the directions of the game culture of the Ob Ugrians]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (1), pp. 149–157. (In Russian)
7. Vrtanesyan G. S. *Zhyoltoj tryasoguzki bogatyr': korni obraza* [The bogatyr of a yellow wagtail: the roots of the image]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (3), pp. 536–545. (In Russian)
8. Glavatskaya E. M. *Hristianizaciya naseleniya Severo-Zapadnoj Sibiri v XIX v.: ideya, praktika, itogi* [Christianization of the population of Northwestern Siberia in the XIX century: idea, practice, results]. *Hristianskoe missionerstvo kak fenomen istorii i kul'tury (600-letiyu pamyati svyatitelya Stefana Velikopermskogo)* [Christian missionary work as a phenomenon of history and culture (600th anniversary of the memory of St. Stephen of Great Perm)]. Perm: Izd. Centr Permskogo gos. naco issled. un-ta Publ., 1997. Vol. 1. pp. 92–112. (In Russian)
9. Golovnyov A. V. *«Svoyo» i «chuzhoe» v predstavleniyah hantov* [The «own» and the «foreign» in the ideas of the Khanty people]. *Obskie ugry (hanty i mansi)* [The Ob Ugrians (Khanty and Mansi)]. Moscow: In-t etnologii i antropologii RAN Publ., 1991. pp. 187–224. (In Russian)
10. Valgamova S. I., Koshkaryova N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologicheskij slovar' hantyskogo yazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects)]. Yekaterinburg: Basko Publ., 2011. 208 p. (In Khanty, Russian)
11. Dmitrieva T. N. *Toponimiya bassejna reki Kazym* [Toponymy of the Kazym River basin]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2005. 580 p. (In Russian)
12. Karjalajnen K. F. *Religiya yugorskih narodov. Reprint. izd. 1922* [Religion of the Yugra peoples. Reprinted edition 1922]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1995. Vol. 2. 284 p. (In Russian)
13. Kosarev M. F. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti* [Western Siberia in ancient time]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 245 p. (In Russian)
14. Kosarev M. F. *Drevnyaya istoriya Zapadnoj Sibiri. Chelovek i prirodnyaya sreda* [Ancient history of Western Siberia. Man and the natural environment]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 302 p. (In Russian)
15. Kosarev M. F. *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya: Po sibirskim arheologo-etnograficheskim materialam* [Fundamentals of pagan worldview: Based on Siberian archaeological and ethnographic materials]. Moscow: Ladoga – 100 Publ., 2003. 352 p. (In Russian)
16. Kulemzin V. M. *Chelovek i priroda v verovaniyah hantov* [Man and nature in the beliefs of the Khanty people]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1984. 192 p. (In Russian)
17. Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Znakom'yes': hanty* [Meet: the Khanty]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992. 136 p. (In Russian)
18. Kyzlasov L. R. *Tashtyjskaya epoha v istorii Hakassko-Minusinskoj kotloviny (I v. do n.e. – V v. n.e.)* [Tashtyk epoch in the history of the Khakass-Minusinsk basin (I century BC – V century AD)]. Moscow: MGU Publ., 1960. 198 p. (In Russian)
19. Lukina N. V. *Formirovanie material'noj kul'tury hantov (Vostochnaya grupa)* [Formation of the material culture of the Khanty people (Eastern group)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1985. 262 p. (In Russian)
20. Maklakov A. G. *Obshchaya psichologiya* [General psychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2020. 583 p. (In Russian)
21. Martynova E. P. *Dve modeli mirozdaniya u hantov* [Two models of the universe of the Khanty people]. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa: Materialy Chetvertyh Sibirskih chtenij, 12–14 okt.* [Cultural heritage of the peoples of Siberia and the North: Materials of the Fourth Siberian Readings, October 12–14. 1998]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 2000. pp. 170–175. (In Russian)
22. Meletinskiy E. M. *Poetika mifa* [Poetics of a myth]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 403 p. (In Russian)
23. Napol'skih V. V. *Drevnejshie etapy proiskhozhdeniya narodov ural'skoj yazykovej sem'i: dannye mifologicheskoy rekonstrukcii (praural'skij kosmogonicheskij mif)* [The most ancient stages of the origin of the peoples of the Ural language family: data of mythological reconstruction (proto-Ural cosmogonic myth)]. Moscow: In-t etnologii i antropologii AN SSSR Publ., 1991. 189 p. (In Russian)
24. Naurzbaeva A. B., Shaygozova Zh. N., Kulsarieva S. P. *Finno-ugorskij i tyurkskij ritual iniciacii nevesty: obshchee i specificheskoe v tradicionnyh sakral'nyh znaniyah (na primere obskih ugrov i kazahov)* [Finno-Ugric and Turkic ritual of

- initiation of a bride: general and specific in traditional sacred knowledge (on the example of the Ob Ugrians and Kazakhs)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (2), pp. 388–397. (In Russian)
25. Raevskiy D. S. *Mir skifskoy kul'tury* [World of Scythian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2006. 600 p. (In Russian)
26. *Russko-kumyjskij slovar'* [Russian-Kumyk Dictionary]. Ed. by Z. Z. Bammatova. Moscow: Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1960. 1148 p. (In Russian, Kumyk)
27. Rybakov B. A. *Yazycheskoe miroponimanie* [Pagan worldview]. *Nauka i religiya* [Science and religion], 1975, no. 2, pp. 52–58. (In Russian)
28. Sagalaev A. M. *Ptica, dayushchaya zhizn' (iz tyurko-ugorskih mifologicheskikh paralelej)* [A bird that gives life (from the Turkic-Ugric mythological parallels)]. *Mirovozzrenie finno-ugorskih narodov* [Worldview of the Finno-Ugric Peoples]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. pp. 21–34. (In Russian)
29. Smirnov Yu. A. *Must'erskie pogrebeniya Evrazii. Vozniknovenie pogrebal'noj praktiki i osnovy tafologii* [Mousterian burials of Eurasia. The emergence of funerary practice and the foundations of taphology]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 341 p. (In Russian)
30. Sokolova Z. P. *Obsko-ugorskiy fenomen (Sever i Yug)* [Ob-Ugric phenomenon (North and South)]. *III Kongress etnografov i antropologov Rossii. 8–11 iyunya 1999 g. Tezisy dokladov* [III Congress of ethnographers and anthropologists of Russia. June 8–11, 1999 Abstracts]. Moscow: IAE RAN Publ., 1999. pp. 36–53. (In Russian)
31. Sokolova Z. P. *Ispol'zovanie metalla v kul'tovoj praktike hantov i mansi* [The use of metal in the cult practice of the Khanty and Mansi peoples]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2000, no. 6, pp. 30–45. (In Russian)
32. Sokolova Z. P. *Platok v kul'ture hantov i mansi* [A shawl in the culture of the Khanty and Mansi peoples]. *Etnografiya narodov Zapadnoj Sibiri. Sibirskij etnograficheskij sbornik* [Ethnography of the peoples of Western Siberia. Siberian ethnographic collection]. Moscow: Staryj Sad Publ., 2000. Iss. 10. pp. 49–69. (In Russian)
33. Sokolova Z. P. *Kul't medvedya i medvezhij prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri* [Bear cult and the Bear Holiday in the worldview and culture of the peoples of Siberia]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2002, no. 1, pp. 41–62. (In Russian)
34. Sokolova Z. P. *Hanty i mansi: vzglyad iz XXI veka* [Khanty and Mansi peoples: a view from the XXI century]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 756 p. (In Russian)
35. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian Dictionary (Kazym dialect)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2020. 689 p. (In Khanty, Russian)
36. *Tatarsko-russkij i russko-tatarskij slovar'* [Tatar-Russian and Russian-Tatar Dictionary]. Available at: tatpoisk.net (accessed: February 18, 2022). (In Tatar, Russian)
37. Frejdenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of ancient time]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1998. 800 p. (In Russian)
38. Chernetsov V. N. *K voprosu o proniknovenii vostochnogo serebra v Priob'e* [To the issue of the penetration of eastern silver into the Ob region]. *Trudy Instituta etnografii, nauchnaya seriya* [Proceedings of the Institute of Ethnography, scientific series]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1947. pp. 113–134. (In Russian)
39. Yajlenko V. P. *Drevnejshaya etnicheskaya istoriya ugrov po dannym onomastiki i pis'mennym istochnikami I tys. do n. e.* [The oldest ethnic history of the Ugric peoples according to onomastics and written sources of the I millennium BC]. Tyumen: TyumGU Publ.; Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskij gos. un-t Publ., 2017. 76 p. (In Russian)
40. Glavatskaya E. Christianization=Russification? To the problems of the ethnic & religious identity of the Ob-Ugrians. *Shamanism and Northern Ecology*. Berlin-NewYork: Mouton de Gruyter, 1995. pp. 373–386. (In English)
41. Laming-Amperaire A. *La signification de l'art rupestre paleolithique*. Paris: Picard, 1962. 424 p. (In French)
42. Molnár Erik. *A magyar társadalom története az őskortól az Árpádkorig*. Budapest: Szikra Kiadó, 1949. 343 p. (In Hungarian)
43. Paasonen H. Ueber die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1902, no. 11, pp. 8–137. (In German)
44. Tschernezov V. N. Bärenfest bei den Ob-ugriern. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1947, no. 23 (2–4), pp. 285–319. (In German)

Field materials of the authors

- Field materials of the authors 1 – *Ekspediciya v s. Saranpaul', Beryozovskij rajon, 2000 g. (informant E. K. Setova, 1933 g. r.)* [Expedition to Saranpaul village, Beryozovsky District, 2000 (informant E. K. Setova, 1933 year of birth)]
- Field materials of the authors 2 – *Ekspediciya v stojbishche na r. Tyuj-tyaha, Nizhnevartovskij rajon, 2008 g. (informant Yu. K. Ajvaseda, 1948 g. r.)* [Expedition to the camp on the Tyuj-Tyakh River, Nizhnevartovsky District, 2008 (informant Yu. K. Ajvaseda, 1948 year of birth)]
- Field materials of the authors 3 – *Ekspediciya v d. Lombovozh, Beryozovskij rajon, 1998 g. (informant N. E. Taratov, 1959 g. r.)* [Expedition to Lombovozh village, Beryozovsky District, 1998 (informant N. E. Taratov, 1959 year of birth)]
- Field materials of the authors 4 – *Ekspediciya v pos. Var'yogan, Nizhnevartovskij rajon, 2017 g. (informant P. Ya. Ajvaseda, 1941 g. r.)* [Expedition to Varjogan village, Nizhnevartovsky District, 2017 (informant P. Ya. Ajvaseda, 1941 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сподина Виктория Ивановна, главный научный сотрудник, Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А, каб. 306), доктор исторических наук.

vspodina@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0-7831002-6252

Попова Светлана Алексеевна, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А, каб. 310), кандидат исторических наук.

rusina-popova@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-0675-2743

ABOUT THE AUTHORS

Spodina Victoria Ivanovna, Chief Researcher, Director of the Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Doctor of Historical Sciences.

vspodina@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0-7831002-6252

Popova Svetlana Alekseevna, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Historical Sciences.

rusina-popova@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-0675-2743